

УДК 821.161.1

*М.В. Серова***УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЫШЛЕНИИ
ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ**

В статье рассматривается лирическая система современной удмуртской поэтессы Галины Романовой. Решаемая научная проблема состоит в установлении в художественной аксиологии автора соотношения этнического и общечеловеческого компонентов, определяющих структурный стержень общего мировосприятия. Результаты анализа более пятидесяти переводов с удмуртского на русский позволили выявить доминанту в общей поведенческой установке поэтессы и в психотипе ее лирической героини. Эта установка проявляется в главном художественно-философском принципе – неизменного преобразования любой драматической ситуации в позитивный человеческий опыт, обусловленный верой в благополучие общего исхода. Осуществляется такая трансформация благодаря использованию системы универсальных образов в построении общей модели мира, проецированию на них жизнеутверждающего взгляда на мир. При этом этническая самоидентификация поэтессы органично вписывается в парадигму общекультурных ценностных координат. Перед нами «новое мифологическое сознание», которое, по мнению современных гуманитариев, является главным условием всеобщей стабильности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: этничность, аксиология, идентификация, психотип, универсалии, лирическая система, художественное мышление.

В настоящее время активно обсуждается вопрос о кризисном состоянии современной России [6. С. 65; 19. С. 51-56]. Историки, философы, психологи, социологи связывают его в первую очередь с трансформацией ценностей в эпоху глобализации: «На стадии глобализации обнаруживается недостаточность ценностных и рациональных форм жизнеустройства человеческой цивилизации, более того, считается, что цивилизация переживает кризис базовых ценностей» [17. С. 384]. Выделяются «следующие тенденции трансформации ценностей в современных условиях: нарастающее несоответствие внутри модельных культурных ценностей; увеличение разрыва между ценностями непосредственного социального окружения и модельными культурными ценностями; конфликт между модельными культурными ценностями и универсальными ценностями» [8. С. 174]. Некоторые ученые склонны полагать, что «в период обострения общественно-политических кризисов усиливается и роль этнических признаков в общей картине идентичности личности» [4. С. 186]. «Идентичность является базовой потребностью личности принадлежать, обусловленной мотивами привязанности, безопасности, самоуважения и уважения других» [16. С. 22]. «Этническая идентичность – неотъемлемая часть социальной идентичности, характеризующей принадлежность человека к определенной национальности, этносу, классу, полу. Дифференцирующими признаками этноидентичности выступают язык, историческая память, религия, национальный характер, народная культура, миф про общих предков. Поэтому в ситуациях межгруппового взаимодействия (особенно национальных отношений) этническая идентичность (этничность) становится наиболее уязвимой как на уровне личности, так и на уровне группы» [4. С. 186]. При этом автор вышеприведенного тезиса уверена, что так или иначе «этническая идентичность остается сбалансированной и непротиворечивой структурой, в которой наиболее выраженной выступает ее позитивная составляющая» [4. С. 186].

С другой стороны, такие ученые, как С.В. Путилов и Н.Н. Моисеев считают, что «для сегодняшнего национального сознания российских народов присуще состояние «сшибки» и конкуренции этнических ценностей и элементов, связанных с общенациональными ценностями» [14. С. 28].

Н.Н. Моисеев склонен видеть «грозную опасность» в этническом самосознании, так как, с его точки зрения, «именно этническое самосознание способно стать одним из непреодолимых барьеров на пути развития человечества» [12. С. 4].

Доктор философских наук А.П. Мальцева выход из общенационального российского кризиса связывает с личной ответственностью человека, основанной на способности к вере и воображению, обусловленной мифологическим сознанием, под которым она понимает «сознание *целостного* (курсив А.М.) человека, у которого все способности к восприятию, пониманию и реагированию выступают в единстве» [9. С. 71-72].

Контуры «целостного человека» можно обнаружить в авторском образе современной удмуртской поэтессы Галины Романовой, которая наряду с Людмилой Кутяновой, Татьяной Черновой и Аллой Кузнецовой взлетела на волне женской поэзии Удмуртии в 70-е гг. XX в. Однако, если другие представительницы этого течения в большей степени привлекали внимание удмуртских литературоведов [1. С. 28-67; 13. С. 10-49], то творчество Галины Романовой до сих пор находится вне поля зрения серьезного аналитического интереса.

Небольшая, но емкая характеристика ее художественного психотипа представлена в предисловии к сборнику 1992 г. «Мир женской души», написанному А.С. Зуевой, которая, собственно и представила эту поэтессу русскоязычному читателю на материале отобранных художественных переводов с удмуртского на русский: «...в стихах Галины Романовой (родилась в 1950 году, работает в редакции журнала «Вордском кыл») звучат вечные темы природы и человека, любви и материнства, города и деревни, войны и мира [...] Г. Романова тяготеет к эпичности, каждое лирическое переживание связывает с конкретным фактом внешней жизни. В лирические стихи введен повествовательный элемент. Целый ряд стихотворений Г. Романовой может быть назван психологическими новеллами» [5. С. 9].

Отчасти причину некоторого «равнодушия» к поэтическому феномену Г. Романовой объяснила Надежда Кралина в предисловии «Хозяйка немедной горы в небе» к последнему, наиболее полному сборнику не только поэтессы, но и прозаика, сценариста, публициста, вышедшему в 2015 г. – «Шунды-мумы. Гора моя высокая»: «Стихи Галины Романовой надо читать дома, на отдыхе, в транспорте, для разрядки настроения. Небольшими порциями, я бы даже сказала – дозами. У меня сложилось впечатление, что она их не придумывает и – простите, Галина Васильевна, - не обрабатывает и не добирает. Просто, как мне видится, в час икс ее настигает стихийное бедствие, некий разряд в виде готового стихотворения, при котором ей достается роль переписчика» [7. С. 7].

И это, действительно, так. При очевидной простоте и незамысловатости, все пятьдесят проанализированных нами стихотворений удивительно позитивны, поскольку автор органично умеет переводить трагическое в гармоническое. Слова «солнце», «радость», «свет» формируют устойчивый мотивный комплекс в данной лирической системе, отражая угол зрения поэтессы на жизнь. В этом смысле перед нами новое мифологическое сознание, о котором писала в своей статье А.П. Мальцева, предполагающее наличие автора как «целостного человека».

Самая трагическая в контексте мировой культуры тема ужасающего бега времени лишена у Романовой драматического накала:

Проходят дни, спешат года,
Как в речке быстрая вода.
Рос человек. И вот уж мало
Ему одних игрушек стало.
И тесен дом, теснее нет –
В дорогу манит белый свет.
Как широка, ровна дорога!
Но сердцу надо, ох, как много! [11. С. 190]

Именно течение времени открывает человеку перспективу в пространстве, которое расширяется от дома, села, города до вселенной:

И от села он тянет след
Среди созвездий и планет [11. С. 190].

И это не линейное движение. Это цикл, в конечном итоге возвращающий человека к изначальной точке, но в новом духовно-нравственном статусе, обретение которого и составляет смысл жизни:

Проходят дни, спешат года,
Как в речке быстрая вода.
Опять дорогою знакомой
Ребенком ты подходишь к дому.
Родное все кругом
Но здесь
Ты словно на ладони весь –
Обруганный или воспетый...
И нет верней оценки этой [11. С. 190].

Тема детства занимает большое место в поэзии Г. Романовой, о чем уже писала А.С. Зуева. Это такие стихи, как «В мое детство», «Помню, в детстве...», «Юбер – пригорок детства моего...»: «В них повествуется не только о физическом возвращении домой, это и возвращение к природе, детству, а следовательно – к себе самой» [11. С. 10].

Именно деревенское детство преподнесло лирической героине Романовой уроки повседневной нравственности, которыми она будет руководствоваться всю жизнь.

В стихотворении «Заставлен стол мой...», где героиня забыла поставить на стол хлеб, ключевой образ является символом нравственного начала жизни, ее не только материальной, но и духовной основой, ибо, как сказано в христианской молитве: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...».

В свое время, размышляя над поэзией Кольцова как о подлинно народной, а не народническо-демократической, Д.С. Мережковский очень детально объяснил через этот образ само понятие народности: «Как рождается хлеб (курсив Д.М.) – вот реальное содержание лучших и самых поэтических песен Кольцова. Но замечательно, что в заботах о хлебе насущном, об урожае, о полных закромах у этого практического человека [...] точка зрения вовсе не утилитарная [...] а, напротив, – самая возвышенная, идеальная, даже, если не мистическая [...] Когда поэт перечисляет мирные весенние думы сельских людей, третья дума оказывается такой священной, что он не решается говорить о ней. И только благоговейно замечает: «Третью думушку как задумали, *Богу Господу помолимся*». И только потом мы видим, что эта страшная, священная дума народа – о том, как бы засеять землю и дожидаться нового урожая [...]. Мы отделяем бездною вопросы о хлебе насущном от вопросов о Боге, о красоте, о смысле жизни. Но народ не может говорить о хлебе, не говоря о Боге. У него есть вера, которая объединяет все явления природы в одно божественное и прекрасное целое» [10. С. 161-162].

В стихотворении Г. Романовой «Апрель» начало весеннего календарного цикла связано с обновлением человеческой души, распахнутой эстетической стороне биологического существования человека, наполненной эмоциональным содержанием и духовным смыслом целесообразности бытия:

Заботы наши прежние
Последний снег уносит.
Поднялась озимь нежная,
Знать, с хлебом будем в осень [11. С. 203].

Религиозный контекст оформляет память лирической героини о войне. Неслучайно следы войны она неизбежно видит на лицах женщин – матери и бабушки:

В чужой стране взрывается снаряд,
Неслышный, как и много лет назад,
Но так его осколки разлетаются,
Что болью в сердце матери вонзаются [11. С. 192].

Образ Матери здесь закономерно расширяется до образа Богородицы, что подключает к стихотворению тему об особой миссии России, которая находится под особым покровительством Той, чей Сын отдал «жизнь свою за други своя». Именно этот Образ вселяет надежду и веру во всеобщее спасение.

Идея изначальной святости материнства является организующей в диптихе «Старая сказка», посвященном матери поэтессы – Анне Федоровне Романовой. Именно через родовую, материнскую традицию передаются общечеловеческие представления о счастье. Первая часть диптиха – действительно сказка, мораль которой состоит в том, что счастье не абстрактная категория, но заключается оно не в богатстве в виде золотых сундуков, а в детях, заряжающих родителей своей радостной энергией.

Вторая часть диптиха – смысловой параллелизм по отношению к первой. В ней речь идет о реальной жизни дочери-матери, внимающей уже не наставляющему, а утешающему материнскому слову, в котором вновь звучит мысль о том, что и горе не беда и бедность не порок, если в доме есть трое детей, скрепляющих семью любовью и заботой, и есть кому передать в наследство материнскую сказку в качестве нравственного ориентира в жизни.

Олицетворением внутренней витальности и неиссякаемой физической силы рода и народа является образ старика в стихотворении «Машины мчатся озабоченно...». Внезапная смерть героя обусловлена не биологической старостью, а бездушием урбанистической цивилизации, сметающей в своей бешеной гонке все, что символизирует здоровый природный уклад деревенского быта. Деревенскому укладу и ладу посвящено стихотворение «Мы давно живем в Ижевске...». Хотя лирическая

героиня давно освоилась «в потоках шумных улиц» и суете «городских забот», встретив после работы своих земляков, она моментально переносится в родное деревенское пространство, как будто никогда не покидала его:

– Что за новости в колхозе?

 Все вопросы не смолкают...
 Снова я в своей деревне.
 Я на родине душой [11. С. 196].

Редкие минуты городской депрессии («Сурово сердцу в январе...») преодолеваются детским доверием к природе, которая так же, как и человек, порой нуждается в заботе и соучастии:

Лишь елки тянут во дворе
 К прохожим голые ручонки [11. С. 197].

Неугасимая память о счастье пронизывает стихотворение «Свадьба». Ее нестираемый след отпечатан в выразительной позе старухи, которая на фоне всеобщей улыбчивой радости за молодоженов поспешила наклониться, «словно у нее развязался шнурок». Очевидно, она вспомнила свою свадьбу, что свидетельствует о неувядающей молодости души и первоизданной свежести любовного чувства ее наполняющего.

Схожая коллизия обнаруживается в стихотворении «Старый дом». «Старый дом», подобно ахматовскому «подвалу памяти», хранит грустные воспоминания пожилой женщины о прошлом счастье и о том, что ему помешало:

Задумчив он. Быть может, ему снится
 В нем, новеньком, веселой свадьбы звон.
 И как потом тропинкою в пшенице
 Хозяин навсегда ушел на фронт [11. С. 199].

Но, несмотря на явный трагизм образа «старого дома», финал этого стихотворения овеян оптимистической надеждой на будущее, ибо в нем звучит благодарность молодого поколения за надежный кров, за материнский нелегкий хлеб, за незыблемые нравственные основы:

Пусть от него нас увела дорога –
 В большую жизнь нам дал путевку он! [11. С. 199].

В стихотворении «Мужчины строят дом...» дом вновь предстает как основа основ человеческого существования, символ созидательного начала и ответственности перед светлым будущим:

Мужчины строят дом
 На добрый долгий век.
 Пускай родится в нем
 Счастливый человек [11. С. 200].

Строительство сопровождается музыкой колоколов, что, во-первых, вводит в произведение мотив свадьбы, понятие которой в удмуртском менталитете гораздо шире, чем в русском (рождение – венчание – смерть), а во-вторых, отражает специфическое понимание семьи как религии, актуальное в контексте русской религиозной философии начала XX века – естественно, в более сложном интеллектуальном дискурсе [15. С. 146-149].

Образ дома, деревенской избы, на Руси издревле соотносился с моделью храма (см. стол – престол; красный угол – алтарь), поскольку древнерусская архитектура отражала в себе и человека (микрокосм), и мироздание (макрокосм), органически соединяя антропоморфное и космическое универсальной вселенской матрицы [18].

В стихотворении Г. Романовой «Колокола» воплощается сходное с древнерусским умозрение. Этот текст мы воспроизведем полностью и не в художественном содержательно не полном (пропущенный финал), не точном переводе (словосочетание «шалльное эхо тех колоколов» не вписывается ни в удмуртскую, ни в русскую ментальность) Ж. Лушниковой, а в авторском подстрочнике, сделанном специально для этой статьи:

«Колокола церковей До самого синего неба поднявшись, Как бодрые витязи церкви стоят. Из минувших веков дошедши, Позванивают в наше время. Звон колокола далеко раздается. В наши сердца стучится, в ушах звенит. Вот кто-то уже на колени встает, Заблудшую душу, наверно, успокаивает. Кто-то дверь рая или ада открыл – Долго стоит, задумавшись, стесняясь. Ошибки свои сегодняшние и давние оценивает. Добрые дела свои, грехи взвешивает. Не знает человек свою судьбу, свой рок. Все свои обиды через сердце пропускает. Душу, которая терпит и верит, Звон колокола встречает и провожает. На нас, жалея, смотрят Светлые окна церкви. О, Бог мой, мой Ангел (Кылдысин), умоляю: Храните меня от ошибок, от неверных шагов!».

Интересно, что в этой молитве звучит мольба не о здоровье, благополучии, а о воле личной ответственности перед Богом и людьми за прожитую жизнь. Идея высшего абсолюта в данном случае («О, Бог мой, мой Ангел...», с одной стороны, вненациональна, а с другой – упоминание имени одного из самых почитаемых удмуртских богов Кылдысина актуализирует этнический аспект веры, который органично вписывает удмуртский микромир в общую космическую структуру посредством универсальной проекции на образ христианского храма («колокола церковей До самого синего неба поднявшись»), связывает настоящее, прошлое и будущее («Как бодрые витязи церкви стоят. Из минувших веков дошедшие. Позванивают в наше время»).

Большое место в поэзии Г. Романовой занимают образы непредсказуемой природной стихии, воплощающее не отношении к человеку пантеона языческих богов, а витальную силу и мощь мироздания («Конь летит», «Кобылицей молодой...», «Новый родник»).

В стихотворении «Конь летит» эта сила представлена в образе летящего коня (в русской традиции – Сивка-бурка):

Конь летит!
Дрожит земля да листьев – град!
Конь летит! [11. С. 206] –

в своем апофеозе пренебрегающая элементами космического миропорядка:

Трепещут равно, глядя вслед,
И дуб, и хрупкий бересклет [11. С. 206],

но пасующую перед юношей, способном противопоставить «слепой силе во плоти» мощь человеческого разума:

Встал! Сник –
Юноша перед ним возник [11. С. 206].

В стихотворении «Кобылицей молодой...» сила своенравной природы представлена в женской ипостаси – это кобылица, с которой автор сравнивает ветер. Но в данном случае стихия несет в себе не слепое разрушительное начало, как в вышеприведенном тексте и в пейзажной зарисовке «Сильзор ударил с высоты...», а позитивный, созидательный смысл, связанный с идеей нового рождения. Впрочем, и мертвящая энергия Сильзора (дождь со снегом и ветром, дождь со льдом – удм.) благополучно преодолевается теплокровными усилиями матери земли, упорядочивающими благоприятный для человека ритм жизни:

И дышит мир, и жизнь идет... [11. С. 211].

Об этом же произведении «Бывает, что в пору цветения черемух...», «Море» и др.

Устойчивый мотив доброжелательной к человеку природы, который благодаря своей частотности конституируется в поэзии Г. Романовой в сквозную тему, полноценно реализуемую в стихотворении «Новый родник». Это тема радостной энергии жизни, вечной молодости, обновления бытия раскрывается в сюжете появления нового родника:

Глаз родника заря раскрыла,
Сухую мглу земли порвав.
И солнца радостная сила
Вернула к жизни стебли трав [11. С. 209].

Вода в мировой культурной традиции олицетворяет женское начало [2], которое в тексте Романовой изображается оплодотворенным «струями света», что придает ему религиозно-духовный смысл, подключая идею человеческой судьбы, воплощенную в образе тропы, проторенной для человека, вступающему на нее впервые, коллективными усилиями предшественников, что освобождает его от страха перед неизведанностью и непостижимостью рока:

Еще вчера низина эта
Была безводна и слепа.
А нынче к новым струям света
Уже протоптана тропа [11. С. 209].

Намек на некоторый драматический строй внутреннего мира лирической героини, за которым стоит биографический опыт автора, присутствует в жанровых зарисовках, которые А.С. Зуева назвала психологическими новеллами [11. С. 9]. Они связаны с традиционно женскими темами любви и материнства, минутного переживания одиночества, приближающейся старости («За окном темным-темно...», «Хочу проталинку в окне...», «В темном бору за речкой Валой...», «Зеркало», «Весь век ждала...»), но внутренний конфликт в них непременно разрешается, благодаря общему устойчивому и художественному психотипу. «Глухое раздражение» героиня испытывает с нетерпеливым ожиданием восстановления внутренней гармонии:

И, наверно, потому
Поджидаю с нетерпеньем
То веселое мгновенье,
Когда утро гонит тьму [11. С. 220].

«Морозное состояние» души снимается позитивным настроением мысли:

И мысли, что придут ко мне,
Пусть будут светлыми, как снег [11. С. 221].

Здесь «снег» не столько атрибут зимы, сколько индикатор чистоты сознания, обеспечивающей прорастание в сердце «морозоустойчивого цветка»:

А в сердце вдруг цветок пророс –
И нипочем ему мороз [11. С. 221].

Материнская тревога по поводу отчуждения взрослеющего сына, который для героини – «весна», «солнце», «созревший плод» – все, что обеспечивает «музыку мира» и «радость всех людских сердец», – утихомиривается контактом «глаза в глаза»:

Мамочка, не надо!
Ты не бойся, я с тобою рядом! [11. С. 218].

Порхающая «птица-радость» не случайная гостья в доме героини, хотя она думает, что не заслужила такого визита («Кто постучался в ночной тишине?»). Нечаянная радость» посещает только тех, кто ее, действительно, достоин, кто привлеч к себе внимание добрым отношением к людям, природе, миру – к тому, кто не ведает зависти к чужой красоте, поскольку воспринимает явление красоты как общую ценность, способную облагородить мир («Красивая женщина мимо идет...»); кто способен сочувствовать чужому горю и радоваться чужой радости («Ты сегодня печальна...»); кто открыт общению с любым человеком и воспринимает ситуацию «расхождения» в жизни без горечи («Двое встретились в мире случайно...»); кто, при сознании своей неидеальности, полагает, что достоин любить и быть любимым («А ты люби меня...»); кто умеет радоваться «маленькому счастью», не претендуя на «великую» и «вечную» любовь («Ты не мой заветный...»); кто готов к эмоциональной самоотдаче «залпом и до дна» «хоть сегодня, хоть сейчас» («Опьянеем от любви...», «Загорелась наша звездочка...»); кто понимает многообразие проявлений любовного чувства и принимает факт невоплотимости идеала в жизнь («Для троих мужчин...»).

Эмоция радости пронизывает стихотворение «Радостью весеннего костра...»:

Радостью весеннего костра
В небе дышит солнце молодое.
Снег повсюду был еще вчера,
А сейчас поля поит водою [11. С. 210].

Она базируется на уже рельефно проявившем себя мотивном комплексе с семантикой новизны: «солнце молодое», «растаявший снег», который питает землю живительной влагой, «посевы хлеба», «созревшее зерно» – все это символы прочности и устойчивости жизни, благословенной новорожденным Богом, чье явление обозначено образом спокойно спящего в колыбели младенца:

Спит земля. Но так спокойно спать
Может лишь ребенок в колыбели [11. С. 210].

Коллизии женской судьбы показаны в поэзии Романовой посредством природного кода при помощи традиционной метафоры цветка – «Что за цветок?». В данном случае это внезапно распустившийся сорняк, символ внутренней гармонии, обеспечивающей «сияние вселенной».

Таким образом, красота в понимании автора, как уже было сказано по другому поводу, – универсальная нравственная категория (в соловьевском смысле), а не способ личностного самоутверждения.

И хотя героиня Романовой склонна придумывать и мечтать об идеальном, больше всего она ценит «земное и простое» («Для троих мужчин...»), не волшебное, а подлинное – «как хлеб ржаной» («Сама тебя придумала...»):

Без волшебства мы смотрим друг на друга.
Когда стоишь ты рядышком со мной,
как хлеб ржаной –
такой простой, земной.
Цветет весенним садом вся округа [11. С. 233].

Она понимает, что страшнее всего на свете самообман («Среди цветов искала я цветок...»), с которым тяжело идти по тернистой дороге жизни («Я ожидаю...»; «Иногда опять взлетает раненая птица...»). Кроме того, духовное разочарование чревато для творчества, для реализации «поющего сердца»:

В разбитом сердце радость больше не живет.
И долго-долго сердце не запоеет [11. С. 237].

Неизбежные в жизни «сердечные травмы», сравниваемые в поэзии Романовой с «затмением солнца», преодолеваются концентрацией на факте наличия «общего неба над головой» («Ты напрасно ходил стороной...»; «Два разных мира...») и на мысли о цикличности эмоциональных движений, которая является условием «светлой грусти» («Не мешай мне, осень...»):

Верю: бог погоды
даст весенний ветер –
возвратится время
листьев и тепла [11. С. 242].

Идеал подлинных межличностных отношений для героини, неизменно согревающий ее душу, – детская, наивная, бескорыстная в чувственном плане любовь – общая первозданная любовь к миру двух чистых душ – к «широким полям, небесным далям», «цветам-василькам» («Помню, в детстве...»). И это не психологические ретроспективы, а устойчивая доминанта, обеспечивающая неугасимый огонь души:

Свеча волнуется, горит,
Трепещет, снова замирает...
Входи, любовь, мой дом открыт,
В душе огонь живой пылает! [11. С. 239]

Отсюда мотив благодарности судьбе за все эмоции, чувства, переживания. Даже если на сердце «тоска-кручина», она не отменяет влюбленности героини в любовь и в этот прекрасный мир, где любовь *всегда* возможна:

Судьбу за счастье благодарю;
 На мир прекрасный влюблено смотрю
 Твоими любящими глазами [11. С. 243].

Можно сказать, что именно эта поведенческая установка представляет *status quo* в диалоге героини с жизнью, апофеозом воспевания которой является «Девичья хороводная», где коллективное начало всенародного праздника заглушает трагизм личного переживания, которое в данном случае является скорее жанровым канонем фольклорной лирической песни, нежели маркером индивидуального психотипа, ориентированного не на этнические стереотипы, а на универсальные проекции [3. С. 28-37], на общечеловеческую аксиологию, воплощенную в ключевых образах «солнца», «неба», «воды», «земли», «хлеба». Так моделируется объемный образ благоустроенного мира, предопределяющий жизнеутверждающий тон поэзии Галины Романовой, что придает ей уникальность не только в контексте удмуртской, но и русской поэзии XX в.

Однако, объективности ради, следует отметить, что в поэтическом мире Галины Романовой присутствует рефлексия об экзистенциальной драме ограниченности самоосуществления человека в бытии. И связано это не с идеей неотвратимости смерти, о чем свидетельствует стихотворение «В последний раз мы проводили друга...», посвященное памяти удмуртского писателя Романа Валишина, где образ листьев, сравниваемых с письмами, то есть со словами, или, точнее, со Словом, способным пересилить трагедию человеческого ухода благой вестью о бессмертии души и вечной жизни:

Как письма,
 Листья вновь к нему летят,
 О жизни с ним поговорить хотят [11. С. 203] –

вне авторских интенций эксплицируют мысль о тщетности творческих усилий простого смертного («друга»), всего лишь приобщенного к тайне жизни и смерти посредством слова, но не равновеликого Тому, кто сам по себе соотносится со Словом:

Но дверь не открывается. Мерцает
 Печально ее ручка. Завывает
 Холодный ветер,
 Первый снег кружа...
 И болью наполняется душа [11. С. 203].

По крайней мере, на материале художественных переводов, а мы, к сожалению, не можем судить о поэтическом языке оригинала, представленный в данной статье литературный феномен, на наш взгляд, не в полной мере отражает аксиому о том, что все-таки «В начале было Слово».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамазов А.А. Удмуртская поэзия второй половины 1970-начала 2010 –х годов. Человек, природа, город. Ижевск. 2015. 333 с.
2. Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998. 268 с.
3. Владыкин В.Е. Монолог в диалогах. Ижевск, 2013. 535 с.
4. Власова Н.В. Этническая идентичность и социальное самочувствие в условиях трансформации социокультурной среды // Изв. Саратовского ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16.
5. Зуева А.С. Поэзия женского сердца // Мир женской души. Стихи. Переводы с удмуртского. Ижевск, 1992.
6. Корецкий В.А. Некоторые уроки глобального кризиса // Социология власти. 2009, №10. С. 64-69.
7. Кралина Н. Хозяйка немедной горы // Шунды- мумы. Гора моя высокая // Повесть в рассказах, рассказы, стихи, песни. Ижевск, 2015.
8. Малыгина Г.В. Трансформация ценностей в эпоху глобализации как социально-философская проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2010. №2.
9. Мальцева А.П. Мифологическое сознание как основание и условие ответственности // Человек. 4 / 2009.
10. Мережковский Д.С. Из книги «О причинах упадка и новых течениях современной литературы // Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991.
11. Мир женской души. Ижевск, 1992. 255 с.
12. Моисеев Н.Н. Размышления об этническом самосознании, национальных и общечеловеческих ценностях // ВЭО 4 (74). 2014.

13. Пантелеева В.Г. Удмуртская поэзия и перевод. Анализы, интерпретации, комментарии. Ижевск, 2016. 247 с.
14. Путилов С.В. Современное состояние национального самосознания российских народов // Изв. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008.
15. Розанов В. Семья как религия // Русский Эрос, или философия любви в России. М., 1991. 443 с.
16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
17. Толстых В.И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003.
18. Трубецкой Е. Умозрение в красках // Три очерка о русской иконе. М., 1991. 111 с.
19. Шереметьева Л.Н. Шанс разумного выхода из кризиса общественного сознания современной России // Изв. Волгоградского государственного технического университета, №9. 2010. С. 51-56.

Поступила в редакцию 23.05.17

M.V. Serova

UNIVERSAL PROJECTIONS IN THE ARTISTIC THINKING OF GALINA ROMANOVA

The article deals with the lyrical system of the modern Udmurt poetess Galina Romanova. The scientific problem is revealing in the artistic axiology of the author the correlation of ethnic and universal components that determine the structural core of the overall worldview. Analysis of more than fifty translations from the Udmurt language into Russian allowed to reveal the dominant in the general behavioural attitude of the poetess and in the psychotype of her lyrical heroine. This attitude is manifested in the main artistic and philosophical principle of the invariable transformation of any dramatic situation into a positive human experience, conditioned by the belief in the welfare of a common outcome. This transformation is carried out through the use of a system of universal images in the construction of a general model of the world, projecting a life-affirming view of the world on them. Meanwhile the ethnic self-identification of the poetess organically fits into the paradigm of general cultural value coordinates. According to modern humanists, we have a "new mythological consciousness", which is the main condition for universal stability in the era of globalization.

Keywords: ethnicity, axiology, identification, psychotype, universals, lyrical system of artistic thinking.

Серова Марина Васильевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории русской
литературы и теории литературы

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426000, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova M.V.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor at Department of Russian Literature
and Literary Theory

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izevsk, Russia, 426034
E-mail: serova1967@inbox.ru